

*Иерей Илья Соловьев, к. бог., к. и. н.,
(Крутицкое подворье)*

РАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ОБНОВЛЕНЦЕВ» В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Доклад посвящен попыткам «обновленцев», поддерживаемых большевистским руководством, захватить власть над православными русскими приходами в эмиграции.

Организованный советской властью в начале 1920-х гг. так называемый «обновленческий» раскол подобно опасной болезни пустил свои метастазы в среду русской эмиграции. Здесь, так же как и в Советской России, раскольники интересовались не столько церковными преобразованиями, сколько захватом церковной власти и присвоением церковного достояния.

Объявив об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, большевистское руководство, тем не менее, рассматривало церковное имущество как свою собственность, которую оно может передавать в пользование, изымать из ведения групп верующих, словом, распоряжаться по своему усмотрению. По мере укрепления своих позиций внутри страны и на международной арене, советская власть стала обращать свои взоры и на имущество Православной Российской Церкви за границей. Так, например, в 1922 г. во время процесса над Петроградским митрополитом Вениамином (Казанским) обвинитель Красиков обвинял владыку-митрополита в том, что он как управляющий по должности российскими зарубежными приходами легко согласился передать их в ведение «белогвардейского» митрополита Евлогия (Георгиевского). Что должен был сделать митрополит Вениамин, если бы он действительно был готов стоять за интересы народа? — с жаром вопрошал Красиков. Мог ли он допустить, чтобы богатые западно-европейские приходы со всем их движимым и недвижимым имуществом, являющимся народным достоянием, перешли в руки белогвардейцев? Почему он не захотел защитить церковное достояние, «чтобы церковные приходы по всей загранице не были опорными пунктами контрреволюции»? И далее Красиков делал вывод о том, что митрополит не воспрепятствовал обращению зарубежных приходов в гнезда контрреволюции именно потому, что сам «руководствовался контрреволюционными целями». Как же должен был, по Красикову, поступить митрополит Вениамин, если бы он действительно стоял на стороне советской власти? «Имея доступ в Смольный, имея перо и чернила», митрополит должен был обратиться к советской власти с предложением «выгнать всю эту белогвардейщину», забрать зарубежные приходы (например, в Берлине) и поставить там своих людей¹.

Эти заявления Красикова отражали точку зрения властей, которые рассчитывали использовать созданный ими церковный «обновленческий» раскол кроме всего прочего и для претворения в жизнь своих внешнеполитических планов. Весьма показательно в связи с этим обращение «обновленческого» Высшего Церковного Управления (ВЦУ) к архиепископу Кентерберийскому с протестом против меморандума правительства Великобритании — советскому правительству по поводу гонений на веру. «ВЦУ считает своим нравственным долгом указать Вашему Высокопреосвященству, — говорилось в заявлении «обновленцев», — что религиозная жизнь в России в настоящее время пользуется совершенной свободой, какой она никогда не имела ни при одном из прежних правительств»².

Вопрос о внешней деятельности «обновленцев» неоднократно рассматривался и на заседаниях созданной 13 октября 1922 г. Комиссии по проведению отделения Церкви от государства (сокращенно антирелигиозной комиссии АРК) — особого органа советской власти, во многом определявшем политику большевиков по отношению к Церкви. Впервые он был поставлен на повестку дня 21 ноября 1922 г., когда АРК предложила ОГПУ «выдвинуть подходящих для посылки за границу кандидатов». Имена кандидатов, поскольку они являлись агентами ОГПУ, в протоколах не указывались³.

«Обновленцы» со своей стороны выразили готовность прибрать к своим рукам зарубежные приходы и превратить их в «лояльные» советской власти организации. С этой целью ВЦУ предлагало направить за границу лицо в духовном сане, снабдив его соответствующими полномочиями по управлению церковными делами. Уже в конце 1922 г. представители ВЦУ явились в 5-й (ликвидационный) отдел НКЮ и осведомились, как смотрит правительство на то, если ВЦУ предпримет ряд шагов для «регулирования» церковных отношений за границей и будет ли оно иметь что-либо против посылки туда доверенного духовного лица,

¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 382. С. 127.

² Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 177. Л. 29

³ Лишь 3 апреля 1923 г. комиссия упомянула в протоколе фамилию священника Мереца, которому был разрешен выезд в Румынию (см.: *Митрофан (Шкурин), игумен*. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922 — 1929 гг. (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. М. 2006. № 1. С. 168).

представляющего новую церковную власть. В НКЮ, в соответствии с позицией Наркомата иностранных дел и ГПУ, ответили, что «правительство наше заинтересовано, конечно, в том, чтобы заграничные приходы не были, как это было до сих пор, в сущности филиальными отделениями контрреволюционных белогвардейских организаций и что поэтому содействие лояльных русских священников в деле раскисирования старых и организации новых, более сочувствующих советской власти групп за границей было бы желательным». В НКЮ посчитали (и 14 декабря 1922 г. сообщили об этом в секретной записке в Наркомат иностранных дел), что в деле постановки приходской жизни за границей лояльные церковники должны были бы получать «возможное покровительство своим начинаниям» «в смысле ограждения и изъятия богослужебного и церковного имущества за границей от захвата его лицами, не имеющими никаких на это прав, ибо церковное и богослужебное имущество за границей должно рассматриваться, как принадлежащее Республике, с чем совершенно согласно и ныне существующее т. н. Высшее Церковное Управление в Москве»⁴. Исходя из этого Красилов и в его лице Наркомат юстиции не возражали против посылки за границу священника — представителя ВЦУ⁵.

С приходом к руководству ВЦУ архиепископа Евдокима (Мещерского) и особенно после создания 8 августа 1923 г. «обновленческого» Синода, раскольники стали уделять особое внимание деятельности «иностранного отдела» при своем Синоде. Ясно, что вся подобная работа, проходившая под неусыпным контролем ГПУ, преследовала, по крайней мере четыре, основные цели: во-первых, осудить заграничных русских епископов, выступавших против Советской власти (этого Советская власть требовала и от патриарха Тихона); во-вторых, добиться хотя бы какого-то признания Синода со стороны других Православных Поместных Церквей; в-третьих, показать международному сообществу, что Церковь в СССР не преследуется и существует в рамках, установленных гражданским законодательством; и, наконец, в-четвертых, как уже говорилось, и власть, и обновленцы были не прочь прибрать к рукам зарубежное имущество Российской Православной Церкви.

Первой «обновленческой ласточкой» в архиерейском сане за границей оказался «обновленческий епископ» Иоанн Кедровский. До революции о. Иоанн Кедровский служил на различных приходах в Северной Америке, в частности, был настоятелем прихода в братстве св. Апостолов Петра и Павла в Детройте, основанном в 1907 г. Он имел жену и двоих детей. После того, как в России развернулись события 1917 г.,

о. И. Кедровский начал активно выступать с критикой своих епископов. В 1917 г. он и протоиерей Владимир Александров были главными организаторами «Федерации духовенства и мирян», провозгласившей себя «независимой от имперских директив и законов». 27 января 1918 г. о. Кедровский был запрещен епископом Александром (Немоловским)⁶ в священнослужении и уволен из состава Православной российской миссии в США.

Надо сказать, что положение Российской Церкви в США усугублялось сложностями, возникшими за время управления епархией архиепископом Александром (Немоловским). Не сумев наладить жизнь епархии без дотаций со стороны центральной Российской церковной власти, преосвященный Александр наделал немало долгов, из-за чего под угрозой отчуждения оказалась российская церковная собственность в США. При таком положении преосвященный Александр покинул Америку и власть над местными приходами фактически сосредоточилась в руках бывшего Одесского митрополита Платона (Рождественского), который, по некоторым сведениям, получил полулегальное назначение управляющим Североамериканской епархией из Москвы от патриарха Тихона.

Деятельность митрополита Платона в Америке, как и митрополита Евлогия (Георгиевского) в Западной Европе подвергалась постоянной критике со стороны «обновленцев», обвинявших обоих иерархов в антисоветских выступлениях. Нельзя забывать, что глава «обновленческого» Синода митрополит Евдоким (Мещерский) до революции 1917 г. сам управлял Североамериканской епархией.

Вопрос о приезде в СССР о. Иоанна Кедровского специально рассматривался на заседании АРК. Кедровский был принят в СССР как участник «обновленческого» собора 1923 г. В этом же 1923 г. (предположительно в мае, после закрытия собора) была совершена хиротония Кедровского во епископа Аляскинского. Новохиротонисанный Иоанн Кедровский был назначен митрополитом Алеутским и Северо-Американским и отбыл в США. Здесь он развернул активную работу по привлечению к обновленцам русских православных приходов, состоя в переписке с советскими государственными органами и, в частности, с П. А. Красиловым. Кроме этого Кедровский повел решительную борьбу против митрополита Платона (Рождественского), который неоднократно высказывался против большевиков. ОГПУ потребовало от патриарха смещения митрополита Платона и вызова его в СССР для церковного суда. 16 января 1924 г. патриарх выпустил подобное

⁴ ГА РФ. Ф. А353. Оп. 6. Д. 20. Л. 8.

⁵ Там же.

⁶ Хомчук О. Церква поза церковною огорожею (на укр. языке). Чикаго, 2002. С. 76.

распоряжение, однако вопрос о преемнике митрополита оставил открытым. В этих условиях митрополит Платон остался управлять епархией и не подчинился указу из Москвы. Это решение митрополита было санкционировано Детройтским Собором Американской митрополии в апреле 1924 г.

Примерно в конце 1923 г. при Синоде была учреждена должность полномочного представителя Российской православной американской миссии, каковую занял протодиакон (с начала 1925 г. архидиакон) Сергей Добров. В своих письмах в Синод Кедровский прямо просил о содействии ему со стороны советских государственных органов и, в частности, Е. А. Тучкова. «Дорогой мой, — писал он протодиакону С. А. Доброву в конце 1924 г., — убедите Св. Синод настойчиво упросить кого следует о документах от Тихона и о СУБСИДИИ. Кроме того, нам необходимо сюда людей. Правительство могло бы на свой счет командировать сюда Вас и еще двух-трех энергичных деятелей, дав им содержание. Бой требует воинов и средств. Я до сего времени ни полусловом не заикнулся об этом. Думалось, что пройдет так. Но сейчас вижу, что защита имущества была успешнее до моего посещения Москвы»⁷. Подобные просьбы содержатся и в рапорте Кедровского Св. Синоду. Он просит при помощи власти получить от патриарха Тихона документы о низложении митрополита Американского Платона (Рождественского) и о подтверждении его собственных прав, данных обновленческим Синодом. Для расширения своей работы 15 июля 1924 г. Кедровский совершил наречение во архиепископа Западных Штатов Аляски и Северо-Западных территорий Канады своего единомышленника протоиерея Владимира Александрова, находившегося в составе Российской миссии в США еще с 1895 г. 2 мая 1925 г. протоиерей Александров был вызван в Москву для хиротонии во епископа Аляскинского⁸.

Присылаемые в Москву письма Кедровского обновленцы действительно передавали в различные советские инстанции с просьбой о содействии в решении важной государственной задачи — получении имущества Американской миссии в свои руки. Так, например, в своем письме во ВЦИК от 18 февраля 1925 г. архидиакон Добров указывал на то, что «получение требуемых Иоанном Кедровским документов об устранении м[итрополита] Платона от управления миссией и запрещении его в священнослужении б. п. Тихоном должно иметь весьма важное значение не только для Православной Церкви, но и для Правительства СССР»⁹. В своей борьбе за овладение церковной собственностью в США о. Кедровский сумел достигнуть определенных успехов. Согласно списку, переданному Тучкову «обновленческим» Синодом 5 апреля 1925 г., в Североамериканской епархии пребывало 5 архиереев-«обновленцев»: архиепископ Иоанн Кедровский, епископ Сан-Францисский Николай Соловей, епископ Питсбургский Стефан (Дзюбай), (перешедший скоро в католичество и умерший в 1933 г.), епископ Филадельфийский Адам Филипповский и епископ Бруклинский Евфимий (Офейш), (вернувшийся в состав Московской Патриархии, но как вступивший в 1933 году в брак лишенный архиерейского сана)¹⁰. За 14 лет судебных тяжб, ведшихся Кедровским, обновленцы получили в свое пользование в Америке несколько десятков церквей, а с 1926 г. до 1943 г. в их ведении находился кафедральный собор св. Николая в Нью-Йорке.

Новый виток борьбе за церковную собственность за рубежом придала полоса дипломатического признания советской республики зарубежными странами. На «обновленческом» Предсоборном Совещании летом 1924 г. особо говорилось о самочинных действиях русского епископата и рядового духовенства, оказавшегося в изгнании. Осуждению подверглись как оставшиеся верными Патриаршей Церкви архиереи и приходы («тихоновцы»), так и сторонники т. н. «карловацкого течения». «Обновленцы» обвиняли эмигрантское духовенство в политических от имени Церкви выступлениях и продолжении антисоветской политики патриарха Тихона.

1 ноября 1924 г. антирелигиозная комиссия приняла решение поручить Е. А. Тучкову «через обновленческий синод начать кампанию по образованию за границей обновленческих групп, которым бы наши полпреды могли передавать церковное имущество в связи с признанием СССР»¹¹. В отличие от Америки «обновленцы» не сумели достигнуть каких-либо существенных успехов в распространении своего влияния в Европе, хотя такие попытки предпринимались неоднократно при активной помощи советских дипломатических представительств. Так, например, обстояло дело в Париже, где с середины 1920-х гг. развернулась борьба за церковную собственность. Главным объектом борьбы был собор св. Александра Невского на ул. Дарю в Париже.

После установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 г. представитель СССР обратился к французским властям с просьбой наложить арест на русскую церковную недвижимость во Франции, надеясь, что впоследствии, после судебного разбирательства, церковное имущество перейдет во владение «обновленцев». 22 октября 1924 г. судом первой инстанции департамента Сены был наложен

⁷ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 75.

⁸ Церковное обновление. 1925. № 9. С. 76.

⁹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 78.

¹⁰ Митрофан (Шкурин), игумен. Указ. соч. С. 170.

¹¹ Там же. С. 169.

арест на имущество Русской Церкви во Франции. Выразителем интересов «обновленцев» стал протоиерей Сергей Соколовский.

Протоиерей Сергей Михайлович Соколовский родился в Новгороде, окончил местную духовную семинарию (в бытность инспектором в ней о. Евдокима Мещерского). Его священническая служба проходила в ведомстве протопресвитера военно-морского духовенства о. Георгия Шавельского. В 1915 г. священник Сергей Соколовский состоял в должности благочинного 7-го Финляндского стрелкового полка. 1 марта 1915 г. 7-й Финляндский стрелковый полк готовился к наступлению на австрийском фронте, перед началом которого предстояло разрушить проволочные заграждения на позициях противника. Несколько безуспешных попыток закончились большими потерями. Тогда вызвался организовать вылазку полковой священник отец Сергей Соколовский, которая увенчалась успехом. За проявленное мужество о. Соколовский был награжден высшей военной наградой того времени — орденом св. Георгия.

В 1916 г. по представлению протопресвитера Георгия Шавельского о. Соколовский был назначен благочинным всех церквей особых специальных бригад, отправлявшихся на фронт во Францию. На фронте о. Соколовский служил военным священником 6-го русского полка, прибывшего во Францию в том же 1916 г. в составе экспедиционного корпуса для военных действий против Германии. Во время военных действий во Франции о. Соколовский проявил большую храбрость. Так, в одном из боев 18 декабря 1916 г. он сам ходил в атаку, был ранен в бою с немцами и в результате ранения потерял руку. За военные заслуги он был награжден орденом «Почетного Легиона». 26 мая 1919 г. его комиссовали по инвалидности, но пенсию (из-за отсутствия французского гражданства) не начислили. Тем не менее в период с 1919 по 1921 г. он получал пенсию в 800 французских франков от бывшего правительства адмирала Колчака. В 1921 г. из-за истощения фонда взаимопомощи этого правительства выплата пенсии была прекращена. Между тем с Соколовским в Париже проживала семья — жена и дочь 1904 г. рождения, на студенческую стипендию которой им приходилось существовать.

Бывший министр иностранных дел императорской России С. Д. Сазонов поначалу покровительствовал протоиерею Соколовскому. По просьбе Сазонова приходской совет Александро-Невской церкви назначил Соколовскому пенсию, ограничив ее получение 1924 г., но из-за финансовых затруднений выплата прекратилась в 1922 г. По данным французских специальных служб, о. Соколовский болезненно воспринял прекращение выплаты пособия и в знак протеста даже перестал носить рясу, хотя с апреля 1924 г. проживал в приходском доме при церкви¹².

Прибывший в 1921 г. в Париж митрополит Евлогий (Георгиевский) практически сразу же столкнулся с недовольством о. Соколовского. «На другой день по моем приезде пришел ко мне однорукий протоиерей Соколовский с крестом на Георгиевской ленте, — читаем мы в воспоминаниях митрополита Евлогия. — <...> О. Соколовский обратился ко мне с жалобами на невнимание к нему, герою войны, Приходского совета, который не соглашался провести его в штатные священники при Александро-Невской церкви, тогда как бывший Министр иностранных дел Сазонов этого желает... Резкий, вызывающий тон его речи, острый взгляд глаз заставили меня быть осторожным; я отвечал уклончиво. Он возил меня к некоему Брянчанинову на какое-то собрание приходской оппозиции, где дебатировались церковные вопросы в духе Всероссийского Церковного Собора и клеймился старый, затхлый дух, который якобы характеризует приходскую жизнь Парижской церкви. Потом я понял, что священник Соколовский хотел меня поссорить с Приходским советом и причтом, которых он вооружал против себя своим желчным характером и неосновательными претензиями»¹³. В другой раз о. Соколовский приходил к митрополиту с возмущением по поводу назначения на вакансию в соборе другого человека, а не его. «Это всегда так, — грубо и дерзко сказал он, — мужика-келейника предпочитают священнику...»¹⁴.

В конечном счете, не найдя поддержки своим стремлениям ни у митрополита Евлогия, ни среди причта собора на ул. Дарю, ни в Приходском совете, протоиерей Соколовский обратился с жалобой в Москву в «обновленческий» Св. Синод. Его письмо, адресованное на имя митрополита Евдокима, было (с сокращениями) напечатано в первом номере журнала «Христианин» (правда, без подписи автора)¹⁵. В этом послании содержались многочисленные жалобы на митрополита Евлогия и выпады против русского духовенства во Франции.

28 ноября 1924 г. АРК приняла решение «поручить т. Тучкову принять через Синод меры к образованию во Франции обновленческих общин, используя для этого священника Соколовского, каковым постепенно производить передачу церкви»¹⁶.

¹² Ланин А. Из истории борьбы за русскую церковную собственность во Франции в начале 20-х годов (По документам французских специальных служб) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 247.

¹³ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М. 1994. С. 357.

¹⁴ Там же. С. 373.

¹⁵ Письмо митрополиту Евдокиму // Христианин. 1924. № 1. С. 47–50.

¹⁶ Митрофан (Шкурин), игумен. Указ. соч. С. 170.

15 декабря 1924 г. «обновленческий» Синод наделил протоиерея Сергия Соколовского церковной властью на всей территории Франции. Соколовский стал исполнять в Европе отдельные поручения Синода. В частности, именно он передал викарному католическому епископу Парижа монсеньору Шапталю приглашение А. И. Введенского принять участие в заседания «обновленческого» собора 1925 г.¹⁷

Распоряжение Синода относительно о. Соколовского было переведено на французский язык и легализовано Генеральным консульством СССР в Париже 20 февраля 1925 г. К этому времени, как уже говорилось, французский суд наложил арест на церковную собственность русских православных в Париже, и протоиерей Соколовский, именовавший себя «уполномоченным Св. Синода Русской Православной Церкви в СССР» заявлял, что он претендует на руководство (по поручению Синода) Русской Православной Церковью во Франции.

Такое развитие событий повлекло за собой Указ митрополита Евлогия (подписанный еще 4 января 1925 г.) о наложении прещения на протоиерея Соколовского. Возбуждалось дело о выселении Соколовского из церковного здания. 15 мая 1925 г. в пробольшевистской газете «Русский вестник в Париже» была опубликована статья Соколовского, в которой автор говорил о недействительности Указа митрополита Евлогия ни перед лицом законодательства СССР, ни перед законодательством Франции. Секретарем протоиерея Соколовского стал бывший регент Александро-Невского храма в Париже Огородников, в прошлом офицер русского экспедиционного корпуса в Салониках, участник борьбы против большевиков, прибывший во Францию из Константинополя в 1923 г. Огородников рассчитывал, что при переходе собора под власть Соколовского он снова займет место регента.

Сам Соколовский и его жена поддерживали хорошие отношения с первым секретарем Советского посольства во Франции Волиным. Последний «посоветовал» Соколовскому организовать группу верующих, которая обратилась бы к французскому правительству с просьбой о передаче им в собственность Александро-Невского храма на ул. Дарю 12.

25 марта 1925 г. префектура полиции Парижа зарегистрировала организованную протоиереем Соколовским группу «Христианская православная культурная ассоциация», противостоящую «Русской православной культурной ассоциации», возглавлявшейся протоиереем Иаковом Смирновым — настоятелем Александро-Невского храма, назначенным в Париж еще до революции. Штаб-квартира «обновленческой» ассоциации была зарегистрирована по адресу квартиры в приходском доме, где проживал Соколовский. Целью ассоциации провозглашалось объединение «всех граждан СССР, проживающих в Париже и в других городах Франции, для защиты свободы их вероисповеданий»¹⁸.

В ходе борьбы с митрополитом Евлогием и его сторонниками «Христианская православная культурная ассоциация» повела агитацию в эмигрантских кругах. Для этого в Париже проводились пропагандистские конференции и число сторонников Соколовского достигло 130 человек.

Летом 1925 г. «Вестник Св. Синода» оповещал своих читателей о том, что вокруг Парижского Александро-Невского собора (будто бы находящегося в ведении Св. Синода!) образовано некое «общество ревнителей православия». Задачей общества, по сведениям журнала, является «проведение обновленческих идей и широкое ознакомление с ними заграничного общества». 9 августа 1925 г. «общество» приняло резолюцию с осуждением политического характера деятельности православных зарубежных приходов в Париже. В резолюции говорилось также, что общество настаивает на том, чтобы грядущий Поместный собор «вошел в конкордат» с правительством СССР для принятия мер по объединению всей Российской Церкви, что также соответствует и государственным интересам. Это необходимо «...чтобы политические авантюристы с их епископом <...> были поставлены в известность перед правительством французского народа, чтобы правительство Французской Республики, наконец, приняло бы все меры о возвращении по принадлежности православных церковных имуществ, находящихся в его стране, и тем выполнило бы акт государственной республиканской справедливости по отношению к православной русской церкви»¹⁹.

Кроме советского посольства Соколовскому оказывал помощь пробольшевистский «Союз русских рабочих во Франции». О деятельности этой организации с похвалой отзывался в своем выступлении на «обновленческом» соборе 1925 г. протоиерей Павел Красотин²⁰. Что же на самом деле представляла собой эта организация? Достаточно сказать, что на заседаниях этого союза среди прочего читали выдержки из произведений Ленина, пели «Интернационал», разрабатывали программу действий по захвату Александро-Невского храма и приходских строений, намечались провокации. Так, например, 6 июня 1925 г. на заседании под председательством некоего Москвина было высказано предложение явиться в ближайшее воскресенье

¹⁷ Род В. Рим и Москва. Львов; Ньюменген, 1995. С. 52.

¹⁸ Ланин А. Из истории... С. 251.

¹⁹ Общество ревнителей православия в Париже // Вестник Св. Синода. 1925. № 4. С. 13. Этот же материал, очевидно, ввиду его «важности» был перепечатан в органе Всеукраинского Св. Синода (см.: Украинский Православный благовестник. 1926. № 5. С. 9).

²⁰ Церковное обновление. 1926. № 1. С. 3.

в храм и предложить священнику отслужить панихиду по Ленину. Другой участник собрания рабочий Давид Зантнер высказался за взятие храма силой, а возражавшего против этой идеи г. Незвовский при помощи грубой силы был вытолкан из зала. В конечном счете было решено устроить у храма манифестацию с требованиями о передаче церкви²¹. Ясно, что подобные выходки нагнетали ситуацию вокруг собора и отравляли жизнь русской колонии в Париже, и без того кишевшем в те годы скрытыми большевистскими агентами.

В 1926 г. в органах «обновленческой» печати появилось сообщение о пополнении зарубежного клира, находящегося в ведении Синода, иеромонахом Андреем — настоятелем храма св. Александра Невского в Биаррице. Иеромонах Андрей (Демьянович), окончивший в 1918 г. Петроградскую духовную академию, некоторое время служил во Флоренции, а затем был переведен митрополитом Евлогием (Георгиевским) в Александро-Невский храм в Биаррице, где проживал в приходском доме вместе со своей престарелой матерью. По воспоминаниям митрополита Евлогия, иеромонах Андрей был человеком, которого «ни высшее образование, ни монашество ни на что <...> не воодушевили. Равнодушный ко всему, он, кажется, ничем, кроме прогулок по окрестностям Биаррица со своей собакой, не интересовался». «Однажды, — пишет митрополит в своих мемуарах, — я приехал осмотреть приход, прожил там несколько дней и не смог скрыть то тяжелое впечатление, которое произвело на меня его служение. Вскоре в приходе начались дразги...»²². После конфликта с митрополитом Евлогием иеромонах Андрей заявил о своем каноническом подчинении «обновленческому» Синоду, о чем 12 сентября 1926 г. подал соответствующее заявление. 30 января 1927 г. в парижском журнале «Наш союз» было опубликовано открытое письмо о Демьяновича, в котором объяснялись причины этого шага. Прежде всего, иеромонах Андрей указывает, что митрополит Евлогий не имеет канонической базы для своей церковной деятельности, а противостояние его с митрополитом Антонием (Храповицким) есть только борьба архиерейских честолюбий. Далее в письме говорится, что в эмигрантской Церкви происходит «беззастенчивое искажение» идеи Церкви Божией, что приходские организации представляют собой «пристанище для всяких духовных авантюристов», а сама церковная организация управляется светскими лицами из числа монархистов²³. Никаких других аргументов для объяснения своего шага иеромонах Андрей не нашел. Его переход под юрисдикцию обновленческого Синода не привел для заграничных «обновленцев» ни к каким серьезным последствиям. Вскоре о. Демьянович возвратился в СССР, а приход в Биаррице так и остался в подчинении митрополиту Евлогию.

В мае 1924 г., по рекомендации митрополита Евдокима, было решено послать в Южную Америку епископа Николая (Соловья), которому усваивался титул «всея Южных Америки». Н. Соловей посетил Париж, где имел встречу с протоиереем Соколовским. Однако усилия «парижских обновленцев», направленные на захват церковной собственности Православной Российской Церкви во Франции (общая стоимость которой тогда оценивалась около 100 млн фр. франков), не увенчались успехом. 5 апреля 1928 г. Первая палата гражданского трибунала департамента Сены отменила постановление от 22 октября 1924 г. об аресте русской церковной собственности. Недовольный Соколовский обвинил посла СССР во Франции Довгалевского в пассивности, и представитель советской стороны подал кассационную жалобу, но в апреле 1930 г. кассация была отклонена.

Что же касается дальнейшей судьбы о. Сергия Соколовского, то в январе 1932 г. он обратился в Московскую Патриархию с просьбой о возвращении ему священного сана, которого он был лишен по постановлению Карловацкого Синода от 17/30 декабря 1924 г. Митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский) направил на имя митрополита Сергия (Страгородского) соответствующий рапорт, по которому 3 февраля 1932 г. состоялось решение Синода Московской Патриархии: постановление карловацкого Синода было признано недействительным, а судьба священника Соколовского была предоставлена архипастырскому усмотрению митрополита Елевферия²⁴. Известно также, что незадолго до своей смерти, последовавшей в 1934 г. протоиерей Сергей Соколовский присоединился к Католической Церкви и стал служить по восточному обряду²⁵.

Возвращаясь к деятельности Николая Соловья за границей надо сказать, что она имела печальные последствия для главы «обновленческого» Синода митрополита Евдокима. «Тучков, — пишут об этом Левитин и Шавров, — смотрел на поездку Соловья, как на интересный эксперимент: епископ-агитатор за дружбу с Советским Союзом — это было новое, оригинальное и пикантное кушанье. В то же время командировка Николая Соловья означала политический экзамен обновленцам. <...> Как-то заговорит он там и будет ли проклинать капитализм, живя под властью капитала»²⁶.

²¹ Церковное обновление. 1926. № 1. С. 253 — 254.

²² Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 389.

²³ Открытое письмо иеромонаха Андрея Демьяновича. // Вестник Св. Синода... 1927. № 2. С. 25—26.

²⁴ Журнал Московской Патриархии. М., 1932. № 9—10.

²⁵ Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции. М., 2007. С. 384.

²⁶ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 468.

Трудно определенно сказать, какими соображениями руководствовался митрополит Евдоким, когда рекомендовал Н. Соловья для поездки за границу. Едва ли митрополит не знал, что о Николае Соловье ходила дурная слава. В ноябре 1923 г. «обновленческое» Московское епархиальное управление обращало внимание на «неблагоприятные толки», распространяющиеся по г. Москве («и даже в общественных местах»), лично об архиепископе Крутицком Александре Введенском, преосвященном Верейском Николае Соловье и протоиерее Павле Красотине. В связи с этим МЕУ постановило просить означенных лиц «принятием соответствующих мер к своей личной реабилитации облегчить положение, между прочим, и Московского Епархиального Управления»²⁷. В том же месяце «обновленческий» Синод своим указом за № 2598 (от 6 ноября 1923 г.) освободил Соловья от управления Верейским викариатством с запрещением в священнослужении²⁸. Несмотря на это, в 1924 г. Соловей получил от Синода назначение в Монтевидео.

Летом 1924 г. в Москву пришли неутешительные для «обновленцев» и их покровителей из ГПУ сведения о черносотенных выступлениях Н. Соловья. Вопрос об уходе митрополита Евдокима был предрешен. По свидетельству Левитина и Шаврова, после провала авантюры с Н. Соловьем митрополит Евдоким, вызванный к Тучкову, пропал на несколько дней. Он вернулся домой в ужасном состоянии, все лицо у него было в синяках. «До сих пор живы несколько человек, — писали в 1960-х гг. Левитин и Шавров, — которые видели престарелого митрополита в этом состоянии»²⁹.

Впоследствии Николай Соловей делал попытки перейти в состав Католической Церкви. 27 января 1929 г. католический епископ Мишель Д'Эрбиньи в своем письме в Россию к епископу Неве сообщал, что Соловей «несколько раз за последние два года выражал желание поехать в Рим, чтобы, как говорит он сам, представить какие-то бумаги Патриарха Тихона и исповедать католическую веру. Но поскольку он уехал из СССР по паспорту, полученному стараниями обновленцев, это внушает опасения. Сейчас он работает в Монтевидео...». 18 февраля 1929 г. епископ Неве, наведший в Москве справки, писал в своем ответе: «Сведения о Соловье не очень благоприятные. По профессии он фармацевт, был довольно близок к Тихону. Несмотря на это еще при жизни патриарха он нашел способ рукоположиться во епископа у небезызвестного Антонина (Грановского. — *свящ. И. С.*), который скончался два года назад. Соловей не получил никакого богословского образования; он решил уехать из России и обратился к помощи обновленцев. Визу ему дали по просьбе Евдокима. Едва перебравшись через советскую границу, он стал писать многочисленные письма, в которых говорил, что единственным главой Православной Церкви был патриарх Тихон. Говорят, что тогда Тучков вызвал Евдокима в ГПУ и отвесил ему пощечину: «Кого вы нам рекомендовали!» Но в тех же самых письмах Соловей говорил, что Тихон поддерживал великого князя Кирилла как законного наследника Николая II. Он писал и Председателю ВЦИК Калинину. Кто это, — задавал риторический вопрос епископ Неве, — провокатор или честный человек, искренне изменивший свои взгляды?»³⁰

Помимо Н. Соловья в разные годы за пределами СССР оказалось несколько «обновленческих епископов», получивших хиротонию в расколе. Очутившись за границей, они уже не помышляли о создании каких-либо «обновленческих» епархий или приходов, так как дела «обновленцев» в Европе к середине 1930-х гг. практически сошли на нет, а в Америке особенно после смерти в 1934 г. Иоанна Кедровского «обновленчество» как говорится, «дышало на ладан». Главной заботой этих «архиереев» стало получение места.

Так, например, в 1933 г. в Мешхеде — главном городе провинции Хоросан в Иране — появился «обновленческий» митрополит Василий Смелов, бежавший с женой и детьми из Туркестана. В 1932 г. имеется упоминание о Смелове как митрополите Ферганском.

Оказавшись за границей, «митрополит» Василий начал совершать требы для многочисленной местной русской колонии. В июле 1933 г. через представителя карловацкого Синода в Тегеране архимандрита Виталия Смелов пытался примкнуть к Русской Зарубежной Церкви. В том же году последовал отказ со стороны карловацкого Синода, а архимандриту Виталию было запрещено общение с «живоцерковником» как с лицом, лишенным благодати и находящимся под анафемой. После этого Василий Смелов безуспешно пытается перейти в юрисдикцию митрополита Евлогия (Георгиевского), а затем и в Константинопольскую Патриархию.

В связи с этим в том же 1933 г. б. митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) в специальном послании православной пастве Персии предостерегал от общения с лжемитрополитом Василием и заодно выступал против митрополита Евлогия (Георгиевского).

В 1934 г. Василий Смелов переехал в Тегеран. Вскоре от него отмежевался и «обновленческий» Синод, который 31 декабря 1934 г. своим постановлением № 4430 исключил его из списков обновленческой Церк-

²⁷ Центральный исторический архив г. Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 2303. Оп. 1. Д. 135. Л. 151—151об.

²⁸ Там же. Л. 153.

²⁹ Там же. С. 514.

³⁰ Венгер А. Рим и Москва. 1900—1950. М., 2000. С. 267—268.

ви среди лиц, с которыми давно была потеряна связь или которые зарекомендовали себя с отрицательной стороны.

В 1935 г., будучи тяжело больным, Смелов вновь направил карловацкому Синоду прошение с просьбой о приеме через покаяние с принятием монашества и сохранением епископского сана.

Указом карловацкого Синода от 24 июля 1935 г. за № 467 было определено: «Принять Василия Смелова в общение как мирянина, по принесении им полного письменного покаяния против священных канонов, после чего, если он пожелает, он может возбудить бракоразводное дело в общем порядке, если у него есть для сего один из предусмотренных к тому правилами поводов».

Указ карловацкого Синода Василий Смелов не принял. Он умер от рака 23 февраля 1936 г. в городской больнице г. Тегерана и был отпет своим сыном Пантелеимоном Смеловым, рукоположенным им же в священный сан³¹.

Удачнее сложилась судьба еще одного «обновленческого архиерея» — епископа Серафима (Ляде), рукоположенного обновленцами в 1924 г. во епископа Змиевского на Украине. В отличие от своего собрата Василия Смелова, епископ Серафим на момент хиротонии не состоял в браке. Оказавшись в 1929 г. с разрешения советских властей в Германии, епископ Серафим был почему-то принят в сущем сане митрополитом Антонием (Храповицким). Впоследствии Ляде был некоторое время настоятелем православного прихода в Вене в сане епископа Венского, викария Германской епархии РПЦЗ. В 1938 г. он возглавил Германскую епархию. В 1939 г. он уже архиепископ Берлинский и Германский, а в 1942 г. митрополит. С 1942 г. Серафим Ляде возглавлял Средне-Европейский митрополичий округ РПЦЗ. Скончался в сентябре 1950 г. в г. Золльне (пригород Мюнхена), где и был погребен.

В заключение надо сказать еще об одном «обновленческом» архиерее, оказавшемся за границей. Я имею в виду обновленческого митрополита Николая (Автономова), хиротонисанного 18 мая 1930 г. в брачном состоянии во епископа Ставропольского. С декабря 1932 г. он был назначен на Тверскую кафедру, но уже через полгода, 21 июля 1933 г., уволен из епархии за целый ряд неправильных поступков, унижающих епископское достоинство. 7 февраля 1934 г. Автономов был запрещен в священнослужении за бестактную деятельность в должности настоятеля собора г. Махачкалы. В эти годы он пытался устроить в Махачкале автокефалию.

С 11 апреля 1934 г. Автономову было вновь разрешено священнослужение. 16 августа 1934 г. он откомандирован в Курскую митрополию для замещения Старо-Оскольской кафедры. Но и здесь он не задержался надолго: 29 декабря 1934 г. Синод уволен из Старо-Оскольской епархии «для пользы обновленческого дела» за штат, с правом быть настоятелем.

30 января 1935 г. Автономов был откомандирован в Ивановскую митрополию для получения настоятельского места. С декабря 1935 г. он состоит на священнической вакансии в г. Иванове. Ивановской митрополией в это время управляет известный «обновленческий» деятель Александр Боярский. С 22 апреля 1936 г. Автономова назначают епископом Александровским и в декабре того же года возводят в сан архиепископа. После ареста Ивановского митрополита Александра Боярского Николай Автономов занимает его место и возводится в сан митрополита. 3 декабря 1938 г. он освобожден от управления Ивановской митрополией и уволен за штат.

В 1938 г. Автономов арестовывался и находился под следствием по «делу» т. н. «Автокефальной черной Церкви». На следствии он давал показания против обновленческого митрополита Александра Боярского, который, по некоторым сведениям, был арестован по его доносу.

Война застала Автономова в городе Пятигорске на должности коммерческого директора мясокомбината. В оккупации он объявил себя каноническим архиереем и фактически являлся двойным агентом — НКВД и гестапо. Автономов служил в Пятигорске в небольшом уцелевшем в годы войны кладбищенском храме св. прав. Лазаря Четверодневного. Здесь по его доносу был арестован немцами и впоследствии расстрелян клирик этого храма (1938–1942) протоиерей Василий Геккель, укрывавший советских солдат.

В декабре 1942 г. Автономов уходит вместе с немцами на Украину. Здесь он сумел ввести в заблуждение экзарха Украинской Автономной Церкви митрополита Алексия (Громадского), который 3 января 1943 г. временно назначил Автономова управляющим Мозырской епархией. Митрополит Алексий вскоре погиб, а Автономов 29 января 1944 г. вместе с женой, дочерью и внучкой прибыл в Варшаву и по поручению местной германской администрации несколько месяцев «религиозно обслуживал» неарийские воинские подразделения.

26 мая 1944 г. Автономов, назвав себя «Православным руководителем для легионеров и воинских соединений Вермахта и Охранных войск в генерал-губернаторстве», впервые обратился к Архиерейскому Синоду Русской Зарубежной Церкви с прошением о принятии его в каноническое и евхаристическое общение. Ответа из Синода не последовало, но один из его членов, бывший «обновленец» митрополит Берлинский и

³¹ Александр (Заркешев), игумен. Русская Православная Церковь в Персии — Иране (1597–2001). СПб., 2002. С. 132–133.

Германский Серафим (Ляде), 21 июня написал «архиепископу» Николаю о том, что вступил с ним и находящимися в его ведении казаками в евхаристическое общение. Через месяц с небольшим Николай Автономов приехал из Кракова в Берлин. 8 августа начальник «церковного реферата» Главного Управления имперской безопасности (РСХА) Нейгауз выразил согласие на назначение архиепископа Николая епископом при Главном Управлении казачьих войск. 16 августа Автономов написал еще одно прошение в Архиерейский Синод, а 26 августа обратился лично к митрополиту Анастасию (Грибановскому). 27 августа 1944 г. генерал П. Краснов просил о назначении Николая Автономова архиепископом Донским, Кубанским и Терским для окормления ряда казачьих формирований в Польском генерал-губернаторстве. Тем временем Архиерейский Синод РПЦЗ начал свое собственное расследование о личности Николая Автономова, в ходе которого было установлено его самозванство. Кроме того, к митрополиту Анастасию поступили важные документы: деяние № 4 Собора епископов Автономной Украинской Церкви в Варшаве от 8 апреля 1944 г., подтвердившее решение трех архиереев этой Церкви от 5 июня 1943 г. о запрещении «именующего себя архиепископом Николая Автономова в священнослужении», а также доклад председателя Комиссии по церковным делам при Русском комитете в генерал-губернаторстве А. Свитича о негативных результатах расследования комиссии по данному делу. В результате 11 октября 1944 г. Архиерейский Синод постановил: «а) прошение Николая Автономова о принятии его в молитвенное и евхаристическое общение отклонить ввиду непринадлежности его к составу канонических православных епископов; б) уведомить генерала Краснова, что Николай Автономов как самозванец и обновленец не может быть назначен ни на какую церковную должность; в) просить митрополита Берлинского и Германского Серафима аннулировать выданное им Николаю Автономову удостоверение о том, что он является православным епископом, коему разрешено совершение богослужений в пределах Германской епархии...»³².

31 октября 1944 г. митрополит Анастасий (Грибановский) написал из Вены в Рейхминистерство церковных дел, что он и митрополит Серафим (Ляде) обсудили прошение Николая Автономова о принятии его в Зарубежную Русскую Православную Церковь и наречении митрополитом казаков и вместе с Архиерейским Синодом пришли к заключению, что «представленные сведения являются неверными и что упомянутый [человек] не может рассматриваться в качестве правящего архиерея»³³.

9 апреля 1945 г. Архиерейский Синод окончательно отклонил просьбу Автономова о пересмотре его дела, и через несколько месяцев бывший «обновленческий» митрополит был принят в Риме в лоно Католической Церкви с сохранением восточного обряда, затем возведен Папой Пием XII в сан митрополита. В качестве архиепископа Ратьярского и униатского митрополита Германского Римского Патриархата Автономов в декабре 1945 г. приехал в Мюнхен, где начал издавать журнал «Колокол» и организовал униатский приход свт. Николая (церковь сохранилась до настоящего времени). Вскоре он был снова разоблачен как самозванец, смещен и отправлен в католический монастырь. Затем американская оккупационная администрация арестовала Автономова по обвинению в шпионаже в пользу СССР. До 1949 г. он сидел в тюрьме, а после выхода на свободу получил назначение в одно из государств Южной Америки. Там Автономов порвал с католиками и сумел эмигрировать в США. В 1950-е гг. «архиепископ» несколько раз безуспешно пытался перейти в состав Американской Православной Церкви, в 1962 г. подал прошение о принятии его в состав греческого экзархата (возглавляемого архиепископом Иаковом), но вскоре умер³⁴.

DISSIDENT ACTIVITY OF «THE REVIVALISTS» IN THE RUSSIAN ABROAD

PRIEST ELLAS SOLOVIOV

The report covers the Revivalists' attempts, supported by Bolshevik authority, to have power over the Russian Orthodox parishes in emigration.

³² См.: Шкаровский М. Казачий стан в Северной Италии // Новый журнал. 2006. № 242.

³³ Там же.

³⁴ См.: Там же.